

УЛЕМПУНЬ

Я малыш мимикл,
по лесу бегу

Улемпунь

Я малыш мимикл, по лесу бегу

Кондрашова Ольга

Ольга Кондрашова

Улемпунь

<https://litres.ru/74131224>

SelfPub; 2026

Аннотация

Добро пожаловать в Улемпунь — удивительную страну, где живут мимиклы — добрые, смешные и очень эмоциональные создания с огромными глазами, длинными носами и необыкновенно выразительными бровями. Здесь разноцветные розвы дружат с жителями леса, акимоны любят сладкое варенье, гордые голзифы не терпят несправедливости, а каждый новый день приносит невероятные приключения.

Вместе с маленьким мимиклом Хартсом, его лучшим другом Грустаном и другими жителями Улемпуня читателю предстоит пережить встречу с загадочным незнакомцем из мира людей, узнать, что такое настоящая дружба, смелость, любовь, сострадание и умение принимать друг друга такими, какие мы есть.

«Улемпунь» — это добрая сказка о мире, где искренность ценится выше богатства, помощь ближнему считается естественной, а добро всегда находит дорогу к сердцу. Эта история подарит улыбки детям, а взрослым напомним, как важно замечать красоту в простых вещах и беречь тех, кто рядом.

Содержание

Содержание	5
Глава 1. Улемпунь и его жители	6
Конец ознакомительного фрагмента.	23

Ольга Кондрашова Улемпунь

Я малыш мимикл,

по лесу бегу

Литературная редакция

2026

Содержание

Глава 1. Улемпунь и его жители

Глава 2. Признание Грустана

Глава 3. Последняя бровь Радуна

Глава 4. Ремонт для Былуки

Глава 1. Улемпунь и его жители

Я малыш мимикл по лесу бегу,

Вижу зверя — точно подойду,

Ведь они прекрасны, как ни покрути,

Выглядят опасно, добрые внутри.

Я люблю природу в мире Улемпунь,

Ведь она прекрасна: труле-труле-труль.

Для начала нужны вводные. Мы оказались в удивительном месте — в Улемпуне, стране, где живут мимиклы и другие необычные существа. Но раз уж у нас на пути встретился мимикл да к тому же ещё и любитель сочинять песни и стихи, начнём знакомство с него. Мимиклы — небольшие существа с внушительным носом и огромными выразительными глазами. Волос на их теле нет, если не считать густых бровей. Также у всех мимиклов очень вытянутые лица и почти нет шеи. Название «мимиклы» они получили за то, что необыкновенно ярко выражали эмоции мимикой. Если мимикл удивляется, то эти самые брови взмывают так высоко, словно альпинисты, стремящиеся покорить Эверест.

А если мимикл сердился, то они напозлали друг на друга, так что выглядели как единое целое. Мимиклы сразу появлялись на свет взрослыми, хотя взрослыми в человеческом смысле их назвать было трудно с точки зрения человека. Любкой мимикл любил поиграть и подурачиться. Старого мимикла от молодого можно было отличить седыми бровями. У стариков были седые брови. А у совсем древних, долгожителей Улемпуня брови начинали выпадать. Старейший из мимиклов, Радун Безбровый, был очень уважаемым жителем города. К сожалению, от его бровей осталось всего несколько длинных волосинок, за которыми он ежедневно тщательно ухаживал.

Он аккуратно мыл их, приглаживал и спал исключительно на спине, боясь, что во сне может произойти непоправимое и он случайно сотрёт о подушку оставшиеся волосинки. По соседству с Радунем жил другой старик — Удивун. Удивун, наблюдая за внимательным отношением своего соседа к остаткам растительности посмеивался над ним. Сам он как только начал терять брови, принял решение приклеивать искусственные. Ввиду неопытности они у него иногда отваливались или были приклеены не совсем ровно, что придавало лицу асимметрию. Волосы обычно брали у зверей из лесов Улемпуня.

Как пел в песне наш маленький мимикл, к которому мы вскоре вернёмся, звери были добрыми, всегда готовые помогать мимиклам. У старика Удивуна была знакомая Розва.

Тут нужно уточнение: розва — это что-то вроде пумы, но травоядная, более пушистая, такая пушистая и словно въётся, если розва попадает под дождь, а затем высыхает когда её шерсть сильно отросла, то кудри становятся слишком объёмными и даже могут мешать зверю видеть, как огромная чёлка пушистых волос сваливается на морду, закрывая глаза. Шерсть розв — разноцветная. Розва Удивуна прибежала к нему из леса когда шерсть её становилась слишком кудрявой и мяукала словно котёнок под его окнами.

Удивун выходил со специальными ножницами и никак мог ровно стриг розву, а всю оставшуюся шерсть оставлял себе на брови. Вот такой выгодный симбиоз получался. Хоть брови Удивуна и были разноцветными. В обществе розв считалось очень привлекательным быть гладковолосыми, чтобы волосы спадали длинными разноцветными полностью гладкими прядями. Поэтому некоторые розвы специально приходили и мяукали под окнами мимиклов в надежде, что те проявят свои парикмахерские таланты. Специалистом по помощи розвам считался местный бровист Отван.

Все приходили к нему подравнять брови, местные модницы выстраивались в очередь, чтобы заполучить модную форму, модная форма к слову менялась очень часто. Поэтому Отван без работы не оставался. Да и к тому же у него была куча трав, позволяющих сделать волосы ровными, поэтому в течение всего дня розвы мяукали под его дверями. У него было строгое правило выпрямить волосы одной розве в день.

Розвы в свою очередь образовывали свою загадочную очередь и приходили к нему и горе той, в чей день выпрямления проливал дождь. Несчастливая пряталась под деревьями, надеясь сохранить привлекательную гладкость хотя бы ненадолго.

Также в Улемпуне жили голзифы — это птицы, напоминающие очень отдаленно орлов, но раскрас их был тоже необычным и в отличие от розв они не стремились к сотрудничеству с мимиклами. История рассказывает, что один мимикл пытался поработить голзифов, остальные не поддерживали его идею и уговаривали одуматься, но он был завоеватель. Хотел заставить голзифов трудиться на благо мимиклов, перевозить тяжести по воздуху, пересылать почту и просто катать, но голзиф — птица гордая и независимая. Они не покорились мимиклам и их возмущение тем фактом, что их хотят использовать как рабочую силу ничего не давая взамен породило в их перьях какое-то вещество.

Теперь голзифы очень неприятно пахли для чувствительных и крупных носов мимиклов. Как только голзиф подлетал к домику мимикла, мимикл был вынужден подносить к носу выжимки из эфирных масел, чтобы перебить этот неприятный запах. Того мимикла выгнали из Улемпуна. Уж слишком пугали его речи, да и сам он был агрессивным. Ещё в лесах Улемпуна жили акимоны, чем-то похожие на медведя, но тоже кудрявого, травоядного и разноцветного. Но в отличие от розв кудряшки акимонов их полностью устраивали

поэтому они не обращались за помощью к мимиклам. Они были просто самобытными жителями леса.

Иногда они приходили к мимиклам, если кто-то начинал варить ягодное варенье прямо на улице. Это был условный знак, что ты хочешь угостить всех и на этот аромат собирались и соседи мимиклы и акимоны, которым тоже наливали в специальные пиалочки, ведь акимоны, как и привычные читателю медведи, страшные сладкоежки. А обидеть акимона считалось плохой приметой. Обидел акимона — хорошего урожая не жди. Ну у этой приметы есть и вполне прикладной смысл, акимоны, как очень умные создания, в обиде могли пройтись по грядкам обидчика и чего доброго оставить свою метку на ростки, а моча акимонов была не простой.

Она не имела запаха, точнее запах был карамельный и использовали её как антисептик, но при попадании на ещё маленькие не взошедшие семечки становилась ядом. Словно запечатывающим семечко в своей скорлупке без возможности проклюнуться и появиться на свет. Вот мы немного и познакомились с Улемпунем. А теперь давайте вернёмся к маленькому мимиклу, который гулял по лесу. Звали его Хартс. Хартс был маленького роста, ниже своих сородичей, кареглазый и с очень густыми бровями, что несомненно было признаком красоты у мимиклов. Ко всем своим бедам Хартс был очень робким и даже пугливым, хоть и очень добрым.

Жил он в соседнем доме от Радуна, а ещё через дом от Удивуна. Соседство со старичками его не смущало, лишь

иногда когда старики с раннего утра начинали спорить из-за лучшего способа поддержания бровей Хартс сердился, что его разбудили.

У старости есть неизменный атрибут — бессонница, и, к сожалению, мимиклы не исключение. Но в целом старики любили Хартса и всегда старались рассказать ему свежую городскую новость или угостить чем-нибудь вкусеньким, но делали это со словами.

— Покушай, Хартс, скорее, а то ты такой маленький.

Хартс понимал, что они не со зла, а из-за заботы. Но Хартс, и так сильно переживавший из-за роста, огорчился ещё больше тому, что ему регулярно напоминали о его недостатке. У Хартса был друг — Грустан. Грустан был голубоглазый с большим носом-картофелиной и тоже очень густыми бровями. Грустан был интровертом, он очень любил посидеть у речки и порыбачить. Ой, чуть не забыла. Рыба в Улемпуне тоже имеется, правда, только один вид и зовётся он инорма. Инормы были рыбами в привычном читателю понимании значения слова рыба. Только вместо обычной чешуи у инорм было гладкое разноцветное покрытие. Грустан часами мог проводить на рыбалке.

Сама рыба его не сильно интересовала, поймав, он её отпускал. Ему нравилась тишина, единение с природой. Там к нему часто приходила одна из розв. Грустан ей приглянулся и она часами сидела с ним, глядя на воду, а иногда даже давала себя погладить. Грустан прозвал её Свежулей за яр-

ко-мятную шерсть. Так они могли просиживать, часами глядя на воду и плескающуюся в ней рыбу. Иногда Грустан брал у Отвана средство для укладки и немного неумело расчесывал Свежулю. Но Свежуля относилась к этому без восторга. Иногда Грустан думал, что Свежуля, как и он сам очень ценит уединение, а погоня за гладкостью шерсти для неё — трата времени.

Иногда он сам ловил себя на мысли, что куда важнее чувствовать себя красивым, чем реально им быть. Сам он оценивал себя как середнячок, но была одна причина возвращаться к шумным соседям, больше времени проводить не у реки, а в городе. Этой причиной была любовь всей его жизни Патисима. Патисима была очень красива. Её брови всегда лежали идеально — Отван лично помогал ей с укладкой. Когда она смущалась, она очень интересно краснела, вся целиком. Грустан смотрел на эту её особенность с восторгом, а когда она улыбалась у неё появлялись очень милые две милые ямочки.

Засыпая, Грустан часто представлял себе её лицо, но так и не решался рассказать ей о своих чувствах. О её любви знала лишь верная розва, Свежуля. Он иногда рассказывал ей, что чувствует и даже читал стихи, которые хотел посвятить любимой. С

Свежуля с неизменной внимательностью слушала его, но дать совет и приободрить она не могла.

В тот самый день, когда случилась эта история, Грустан,

как обычно, проснулся рано. Он снял ночной колпачок, повесил его на спинку кровати, умылся и тщательно расчесал брови щёткой. Надел свой рыболовный костюмчик, взял удочку и вышел из дома. Ах да, забыла уточнить его дом был на той же улице, что и дом Хартса, он был его соседом с другой стороны. Поэтому выйдя на улицу первое, что он услышал это ежедневный спор Радуна и Удивуна. На этот раз у Удивуна красовались на лице фиолетовые брови, и наклеены они были особенно густо, издалека из-за такой густоты он казался особенно недовольным. Радун хохотал над другом.

— Ты всё молодиться? Ну не твоё это. Два баклажана мохнатых на лице отрастил, надо с мужеством носить, то, что тебе дала природа. Намеренно небрежно коснулся Радун оставшихся бровей, точнее сделал вид, что коснулся, как бы он ни хорохорился перед другом, а он четко понимал, что брови держатся не крепко, луковицы совсем ослабели и надо быть очень аккуратным.

Удивун кипел как чайник на плите.

— Да что ты понимаешь в красоте, лысобровый. Я вот если приду к молодёжи, они и не поймут, что я старый, за своего примут.

— Вон Грустан вышел, заметив его замахал ему руками Удивун.

— Грустан, а Грустан иди скорее сюда! Как ты? На рыбу пошёл? Слушай вопрос к тебе! Как тебе? А?

Удивун показал на свои брови и, не скрывая восхищения,

спросил:

— Замечательно! Очень молодо выглядите. Быстро ответил Грустан, чтобы поскорее оказаться на рыбалке. Он знал, что этот спор похож на зыбучие пески, постоял чуть дольше все, засосало и не выбраться. Для верности он ускорил шаг, проходя мимо стариков, чтобы показать свою целеустремленность, но трюк не сработал.

Радун закричал что было мочи.

— А ну стой, что ты глаза с утра не умыл, что ли, ну-ка подойди поближе посмотри на это творение. Он просто отрезал кудрявые пряди розвы и налепил на лицо, не бывает кудрявых бровей! Да ещё и фиолетовых, а он думает, он модный, а он просто смешон!

— Да, дедушка Радун, не бывает кудрявых фиолетовых бровей, вы правы, но если Удивуну нравится, то хорошо, а я побегал. Хорошего дня! Не скучайте!

И Грустан помчался к реке под бурчание стариков. Теперь Радун и Удивун ворчали на Грустана.

— Эта молодёжь вечно куда-то спешит, просто невозможно поговорить.

— Точно, это пока все брови на месте! Вот они и шустрые, а потом посмотрим.

— Вот придёт к нам, когда первый седой волосок на брови проклюнется.

— А пошли перекусим, — предложил примирительно Удивун.

— А пошли. К Кошу.

Кош был замечательным поваром, все приходили в восторг от его блюд. Он организовал кафе в собственном домике на первом этаже и летнее кафе на улице, там стояли скамейки и столики, чтобы было уютно полакомиться на свежем воздухе. Радун и Удивун были завсегдатаями и Коша. Каждое утро он поил их крепким кофе с яичницей. Радун обожал глазунью с жидким желтком, а Удивун с помидоркой, чтобы всё взболтано воедино. Кош хорошо знал пристрастия своих гостей. Поэтому к их приходу две горячие яичницы уже красовались на столике. Друзья неизменно вовлекали в свой спор Коша. Заодно поспоря о том какая яичница вкуснее. Кош был кругленьким мимиклом и ужасно добродушным, он обожал когда к нему приходили, чем больше гостей, тем счастливее делался повар.

Радун и Удивун обычно проводили у него полдня, помогая Кошу в заготовке продуктов. Они не работали на него, просто это была помощь другу и заодно времяпрепровождение во время спора. Ведь спор куда продуктивнее, когда во время него ты чистишь картошку, или делаешь какое-то другое полезное дело, моешь овощи или режешь салаты. А к обеду весь дом Коша наполняли голодные мимиклы, с нетерпением ожидая какое сегодня будет блюдо дня. Все весело болтали, кушали и обсуждали все новости. Иногда Радун с Удивуном умудрялись вовлечь кого-то в свой бровный спор. Грустан обычно к обеду стремился вернуться с рыбал-

ки, чтобы встретить у Коша Патисиму.

Патисима относилась к Грустану равнодушно. Точнее сказать, она не подозревала о его пылких чувствах к ней. Ведь рядом с ней Грустан терялся, говорил всякий вздор, да что уж даже не одну нормальную шутку не мог сформулировать. А как известно женщины любят мимиклов с чувством юмора. Этот обед не был исключением. Грустан взял поднос с порцией еды и сел за столик за которым ничего не мешало наблюдать за красавицей Патисимой. К нему тут же подсел Хартс.

— Привет! Как ты?

Грустан украдкой поглядывал на Патисиму и нехотя отвечал Хартсу.

— Привет, да нормально.

— Был на рыбалке? — пытался расшевелить друга Хартс.

— Был, хорошо там, сейчас снова пойду. Главное проشمыгнуть мимо стариков, а то я их знаю замучают своими спорами, да ещё и посуду мыть заставят.

Хартс кивнул.

— Точно, а я ещё хотел стихи пописать. Погулять по лесу, природа всегда помогает настроиться на поэтический лад.

— Точно.

— А ты чего на Патисиму любишься? — спросил Хартс.

Лицо Грустана побелело.

— Тише-тише, ты чего орёшь? А вдруг она услышит? — выпалил он, зачем ты кричишь? Подумает что я странный и

всё из-за тебя.

— А что такого она может подумать кроме того, что есть на самом деле? Она тебе нравится, а ты боишься ей об этом сказать? Хочешь я тебе для неё стишок сочиню, ты ей его прочтёшь, она сразу подумает, что ты романтичный.

На этот раз Хартс говорил тихо.

— Ну, сочини, конечно. Но не факт, что я ей его расскажу. Я боюсь.

— А чего ты боишься? Ты высокий красивый мимикл. Гордись собой и вперёд.

— А вдруг она скажет «нет», Хартс, я с ума сойду, моё маленькое сердечко будет разбито.

— А хочешь я ей скажу? Тем более если нет, лучше это знать. Всегда страшнее не знать ответ.

Например, как сегодня. Я шёл к Кошу, думая что сегодня выходной, а в выходные у Коша вафельные трубочки с кремом, я шёл и представлял вкус этих трубочек, как я съем обед и примусь за трубочки, я детально представлял их хруст во рту. Как сладость крема в сочетании с лёгкой тягучестью. А у Коша сегодня безе, не то, чтобы я не любил безе. Но то, что трубочек нет я принял не сразу. Но потом поев безе, подумал, ну может и не так страшно, что не было трубочек, безе тоже хорошо. Понимаешь о чём я?

— Понимаю, ты сладкоежка!

— Не, я хочу сказать, что если бы я встретил Коша с утра и он сказал бы мне. Послушай Хартс трубочек нет, будет безе»,

я бы не представлял себе вкус трубочек, а представлял вкус безе. И не испытал бы разочарования, что не то представлял. Теперь понятно?

— Понятно, ты самый мощный сладкоежка во всём Улемпуне.

— Эх, я хочу сказать, что надо знать ответ, даже если он НЕТ.

— Хартс, если речь о трубочках и безе, тут я с тобой полностью согласен, но когда речь о самой прекрасной мимикле в мире, всё иначе, я не заменю её безе.

Хартс понимающе кивнул.

— Ну значит, Грустан, надо действовать. Давай придумаем для неё сюрприз! Особенный. Там трубочек с кремом ей напечём.

— Хартс, у тебя в голове один сахар. Ну что мы с тобой напечём. В сравнении с трубочками Коша, наши будут ужасны. Это как тебе на десерт дать морковку.

— Знаешь, если это внезапная морковка, я буду рад. А Патисима от нас ничего не ждёт.

— Хартс, я не могу, она такая. В этот момент брови Грустана так поднялись вверх, а следом за ними и всё лицо, а за лицом словно и он сам воспарил.

— А я такой... Тут всё снова спустилось вниз.

— Не понимаю, какой ты такой, ты мой друг, мой высокий красивый друг. И брови у тебя что надо. Не понимаю чего ты робеешь. А стих я напишу для тебя, да такой, что она сразу

в обморок от радости упадет.

— Не надо обмороков, но стих пиши. Грустан посмотрел на Патисиму, которая улыбалась, болтая с подругами и подумал, она совершенство.

Хартс доел, пора было идти. Ребята подошли к Кошу, крепко поблагодарили его и обещались, что завтра точно они будут мыть посуду.

Кош пообещал Хартсу, что завтра непременно будут вафли, если он придёт помогать. Хартс восторженно при-свистнул.

— Буду, дорогой Кош!

Выйдя от Коша и отправляясь к лесу, Хартс всё рассуждал о вкусе вафель, как ведёт себя начинка и чтобы было бы волшеб-но если бы Кош добавил шоколадной крошки. Грустан шёл рядом с другом слушал его восторги про вафли и улы-бался. Хорошо быть рядом с счастливым человеком, слов-но счастьем можно заразиться. На развилке они разошлись Хартс не любил сидеть с удочкой и умиротворён-но смотреть на воду, ему становилось ужасно скучно и он начинал дони-мать Грустана.

А в рыбалке Грустан ценил тишину и уединение и, как бы он ни любил Хартса, слушать рассказы про сладости в момент рыбалки было кошунством. Грустан становился раз-дражительным, хмурил брови и сопел, Хартс после парочки попыток сходить с другом на рыбалку понял, что этот досуг не для него, он предпочитал гулять по лесу, собирать гри-

бы, встречать друзей мимиклов занимающихся тем же, а как уставал садился на опушку и сочинял какой-нибудь стишок. Но сегодня он понимал, что целью его поэзии будет помощь другу.

А Грустан, подходя к своему излюбленному местечку уже увидел издалека терпеливо дожидаящуюся его Свежулю.

— Привет, — сказал он, погладив косматую голову розвы.

К сожалению, розвы были лишены дара речи, но Свежуля мурлыкнула — и этого оказалось достаточно. Считай с помощью одного звука она продемонстрировала Грустану всю свою глубокую привязанность. Они сидели вдвоём и смотрели на гладь реки. Сегодня даже инормы не плескались. «Наверное, у них послеобеденный сон», — предположил Грустан.

Он начал описывать Свежуле смешную фантазию. Как инормы надевают на себя ночные колпачки и пижамки и ложатся в свои кровати. А потом предположил, а умеют ли инормы храпеть. Может они когда спят выпускают пузырьки воздуха, а если все инормы вместе лягут спать получится джакузи, вот такими мыслями он делился со Свежулей. Своим молчаливым внимательным слушателем. Но вдруг в воде появился странный силуэт. Он напоминал что-то большое, белёсое и прозрачное, прямо на воде. Грустан вскочил от испуга.

— Что это? — обратился он к розве.

Но розва сама испугалась и смотрела на него, словно жда-

ла ответов. Так прошло пару секунд и Грустан скомандовал:
— Бежим, Свежуль!

Грустан бежал по лесу и кричал: «Дракон! Дракон!»

Навстречу ему как раз попался Хартс, что-то записывающий. Видимо стих.

Хартс так испугался, что не разбираясь, решил, что надо помогать и вот теперь они вдвоём бежали с Грустаном и кричали

— Дракон! Дракон!

Пока они бежали им попались ещё ребята — это была неразлучная троица, они всё делали вместе. Их звали Манив, Жасу и самый смешливый из них Хемс, он смеялся так залиvisto, что его смех могло остановить только изнеможение или неловко вылетевшая сопля, что иногда не останавливало, а усиливало.

Увидев перепуганных Грустана и Хартса бегущих с криками

— Дракон.

Ребята побежали с ними с теми же криками и вот выбежала из леса пятёрка кричащих мимиклов.

— Дракон!

Все попадавшиеся им навстречу по какой-то цепной реакции присоединялись к бегущим и кричащим пока они не добежали до домов Удивуна и Радуна. А старики не могли бежать так быстро и стали кричать

— Что случилось? Кто дракон? Как выглядел?

Шествие остановилось.

Каждый решил, что уточнения и впрямь нужны.

Все вопросительно посмотрели на выбежавших из леса.

Они в свою очередь посмотрели на Хартса и Грустана. Ну и Хартс посмотрел на Грустана. Таким образом Грустан оказался в центре внимания.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «Литрес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на Литрес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.